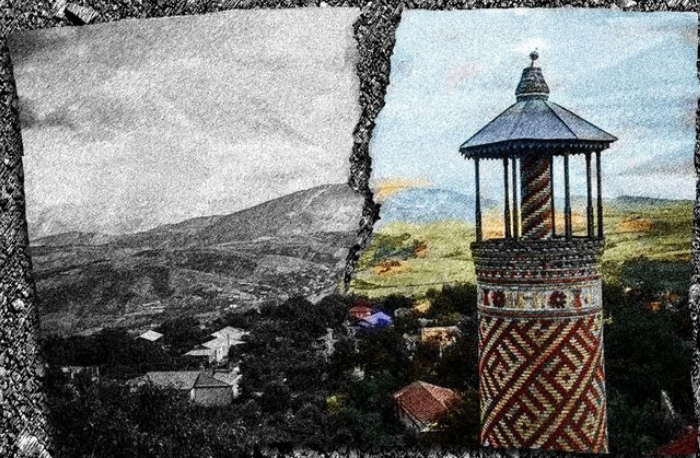

18+

Мой дом Шуша

Сабит Алиев

Сабит Алиев

Мой дом Шуша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618347

ISBN 9785005199881

Аннотация

Эта повесть написана от лица мальчика, рожденного в горном селении Азербайджана. Глазами ребенка мы увидим мир вокруг него, долины и горы Карабаха, традиции его народа, война, которая разделила жизнь на «до» и «после»...Мы увидим историю мальчика и его семьи, вынужденной бежать из родного дома. Познакомимся с прекрасными людьми: с выдающейся женщиной – матерью главного героя, его суровым и в то же время безгранично добрым отцом, бабушкой, соседями. Узнаем об их любви к дому и родной земле.

Содержание

Мой дом – Шуша	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мой дом Шуша

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2020

ISBN 978-5-0051-9988-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой дом – Шуша

Некогда мне случилось беседовать с человеком большой и славной судьбы, жителем Карабаха, а точнее, города Шуша.

Его истории навсегда остались в моей памяти, и вот как их отзвук возникла эта повесть о разбитом и потерянном детстве карабахских детей, ставших беженцами.

Вся суть моего рассказа – это трагедия народа, боль каждого человека, которого в один день заставили покинуть отчий дом.

Наши «соседи», повинные в этом беззаконии, живут в вымышленном мире и не хотят считаться с реалиями жизни. Они почему-то уверовали в исключительность своего происхождения. Естественно, это ни к чему не привело, кроме страданий и мучений для обеих сторон.

Этим они оттолкнули от себя ряд прекрасных стран, таких как Турция, Грузия и Азербайджан. Ведь то, что выходит за границы реального, опасно и нелепо.

Помню знакомство, уже в Москве, с одним из причастных к трагедии моего народа. После долгого общения со мной факты о геноциде 26 февраля 1992 года заставили его задуматься. Затем он тихим голосом сказал: «Сожалею...»

Что говорить о сожалении? Да, оно разрывает сердце, но это сожаление бесплодное, и ничего не вернешь назад.

Мой народ считает Ходжалинский геноцид, да и все происходящее в целом, огромной несправедливостью по отношению к себе.

А несправедливость «прощается», когда про нее забывают. Азербайджанский народ ничего не забыл.

Сабит Алиев

Глава 1

Уже глубокая ночь, а я все еще думаю, с чего начать свой рассказ. Так много всего накопилось в душе...

Неделю назад я вернулся из Стамбула на родину. А сегодня днем, придя от доктора и приняв таблетку успокоительного, лег в постель. Свое положение в постели я ощущал левым плечом и внешней стороной бедра. «Надо попытаться уснуть», – подумал я, закрывая глаза.

Я обратился за помощью к доктору, потому что в последние дни совершенно лишился сна. Врач сказал, что пульс у меня учащен, зрачки расширены, нервы напряжены, но жизни моей ничто не угрожает. Он прописал мне теплый душ перед сном и успокоительное... Мне тридцать. Я – известный поэт, мои стихотворения печатают в журналах и литературных газетах. Литературное общество в республике, присуждающее премии за лучшие стихи, поставило мое имя среди первых в списке. Об этом было сказано по центральному телевидению, и меня начали узнавать простые люди. Где бы я ни бывал: в театре, ресторане, общественном транспорте – незнакомые люди, вытягивая шею, смотрели на меня. Почти все они щедро расточали мне похвалы, а некоторые прямо спрашивали, почему я еще не написал автобиографическую повесть?

Всякая известность сама по себе нарушает равновесие

внутри личности. В обычном состоянии имя, которое носит человек – это его атрибут. Но в случае успеха имя будто отрывается от человека, разбухает, словно дрожжевое тесто, становится вроде капитала и в конце концов начинает своеобразно воздействовать на обладателя.

Я вовсе не хочу сказать, что не рад своему успеху. Наоборот, я счастлив. Очень трогательно, когда каждый второй тебя знает, и особенно приятно, когда ты предъявляешь свой паспорт, и, увидев, кто ты, тебе возвращают его с почтением.

Но стоило мне, вернувшись домой, лечь спать и закрыть глаза, мне сразу становилось страшно. Казалось, чужие люди ходят по квартире взад-вперед, и все они непонятно почему готовы растерзать меня.

Я ожидаю сна, как приговоренный – своего палача. Меня начинает знобить, хоть на дворе лето, и вдруг я будто проваливаюсь в бездонную яму и засыпаю. Сны, как известно, довольно странная вещь. Одно представляется в мельчайших подробностях, а через другое перескакиваешь, вовсе не замечая. Вот я вижу полутемную комнату, которую освещают две лампы, с массивной, обставленной вразброс желтой мебелью. Пахнет в комнате странно, как бы смесью лекарства и чего-то несвежего. Я сижу на стуле, надежно связанный по рукам и ногам.

Передо мной небольшой стол, за ним сидит в военной форме крепкий мужчина лет пятидесяти, с высоким лбом. Нос большой, с горбинкой. Большие глаза. На плече вышит

красно-сине-оранжевый флаг.

– Предупреждаю, кричать нет смысла, вокруг ваших друзей нет. А ты что тут делаешь? – спрашивает мужчина хриплым грубым голосом.

Я не понимаю вопроса и говорю, с трудом разлепив губы.

– Где «тут»?

– В Карабахе...

– Я у себя дома, – отвечаю я и чувствую, что во рту у меня что-то не так.

Языком по очереди ощупав зубы, убеждаюсь: у меня нет передних резцов.

Он громко смеется. Я вижу его темно-прокуренные зубы. Затем, встав со своего места, он подходит ко мне и наклоняется к уху. Ощутив чужое дыхание, я понимаю, вот-вот должно случиться что-то ужасное. Мужчина хватает меня за волосы и притягивает к себе:

– Что ты сказал?!

Невыносимая боль во рту и шее, будто стоматолог без наркоза удаляет мне зуб. Потом почему-то выбегаю через окно, хотя мои руки и ноги вроде как связаны, и вдруг получаю сильный удар по голове и падаю – не сразу, а странно дергаясь, как марионетка в кукольном театре.

Я просыпаюсь от ужаса в поту, с больной головой. Долго сижу, сжавшись, как маленький мальчик, обхватив колени руками, пытаюсь прийти в себя. Немного погодя наскоро что-то ем, не чувствуя вкуса; берусь читать в надежде, что это

занятие поможет мне успокоиться, забыться, уснуть. Буквы прыгают перед глазами. Я откладываю книгу.

Вы, мой читатель, должны понять, что я никогда не придавал своей жизни такого значения, чтобы впасть в соблазн рассказывать другим эту историю.

Много всего прошло перед моими глазами. Намного больше, чем я ожидал увидеть в начале своей жизни. Эта книга – не мемуары. Это истрепанная толстая тетрадь, случайно найденная на пустом чердаке в старом книжном шкафу.

Многое я помню ясно и отчетливо, но многое и стерлось из памяти. Я с жадностью собирал воспоминания о своем городе, о прожитых днях, как подбирают черепки разбившейся драгоценной вазы. Но как бы я ни старался, я не смогу составить полную картину, передать тот ужас, который нам пришлось пережить. Это все будут какие-то осколки, обломки. И как я был рад, когда все-таки мне удавалось вспомнить что-то из прошлого. Задумавшись, я мог провести целые часы, пытаясь продлить удовольствие и боль от воспоминаний.

Я решил написать о себе, но не как о главном герое, а как о малой частице большого народа, из которого миллион человек лишились крова, родных мест, стали беженцами, изгоями, проживающими две жизни: до войны и после нее.

И если до определенной минуты ты говорил «мой дом», то после ты никогда эти слова не повторишь. Всякий раз, когда на чужбине я рассказывал людям о том, что пережил вместе со своим народом, они недоверчиво спрашивали ме-

ня: неужели все это правда? Никогда не подумал бы, что еще мальчиком увижу столько несправедливости, стану свидетелем ужасного преступления. В то же время мои ровесники по всему миру жили без потрясений и потерь, с малыми переменами, размеренно и спокойно.

Кажется, что и подобным мне людям выдалась та же доля – испить чашу, наполненную ядом. Такой яд не убивает сразу, а остается внутри, постепенно разлагая твои разум и душу.

Это была настоящая война, где силы изначально были неравны. Где «они» хотели уничтожить нас, азербайджанцев.

Сегодня я понимаю окончательно, что мир, в котором мы тогда жили, был воздушным замком. А мы думали, что живем за каменной стеной. Ни разу до того даже холодные зимние дни не тревожили наше теплое уютное существование. Сегодня от прошлого у меня не осталось ничего, кроме того, что я несу в памяти. Я предоставляю слово моим воспоминаниям и начну сначала.

Глава 2

Наш кирпичный дом был большой, двухэтажный, похожий на неприступную крепость. Он стоял пятым по нашей песчаной улице, с маленькими окнами, из которых я любил смотреть на горы – особенно зимой, когда выпадал снег. Его цвет не изменился за много лет с тех пор, как мой отец построил этот дом. Во всяком случае, отец часто повторял это. Наш дом умер, когда мы покинули его. Так происходит со всеми домами.

Город, в котором я родился и вырос, – мирный городок с четким социальным расслоением, мир без суеты. Город, где можно было посетить театр, увидеть со вкусом одетых женщин в ярких платьях, мужчин в папах. Казалось, именно в этом городе мастера могли создать очаровательное изящество из ничего. В их одежде, хоть они жили небогато, всегда были заметны продуманность, опрятность и вкус. В них сквозила поэтичность, индивидуальность, и каждый был горд за свое происхождение. Тонкое чувство вкуса, присущее им сызмальства, проявлялось в самых незначительных мелочах: простые люди пили чай только из стаканов «армуды», традиционный хан – плов, готовили из элитного сорта риса «басмати», который выращивают в Индии.

Местные поэты писали стихи безупречным почерком на самой лучшей бумаге. Никогда, даже в самой большой

спешке, они не позволяли себе зачеркнуть слово, это считалось дурным тоном для поэта. Музыканты играли на балабанах (дудуках), изготовленных только из абрикосового дерева. Их звук можно было услышать на каждой улице.

Этот город, Шуша – колыбель азербайджанской культуры. Он славился своими искусствами: литературой, музыкой, архитектурой. Это был поющий город. Музыки тут было больше, чем во всем мире. Чудо-цветок «xarı bul-bul», который произрастает только в одной местности и не приживется на любой другой земле. Легендарный «Джыдыр дюзю» (поле скачек) с его неповторимой природой, где соревновались знаменитые карабахские скакуны. Непрístupные скалы, крепость, построенная ханом Панах Али-Бекком, мавзолеей великого поэта 18 века, визиря Карабахского ханства Моллы Панаха Вагифа.

Поднимешь голову, и перед тобой горы, горы... Тропинки, бегущие куда хотят: то прямо, то огибая скалы, то вглубь, то в небо, к облакам. Старики любили, прищурив глаза, показывать на эти тропинки, и каждый из них поведывал свою историю. Иногда вздыхали:

– Ах, если бы эти тропинки могли говорить, если бы они могли свидетельствовать...

О, Аллах, а какой там воздух! Хрустальный, чистый, утоляющий жажду, наполняющий каждого радостью. Приезжие слегка пьянели от него и улыбались, будто навеселе. Повсюду царили чистота и строгий порядок. Люди жили и умирали

здесь со счастливыми лицами. Нигде в мире жизнь не была такой естественной, где человек был бы частью живой природы. Сейчас я с досадой и со слезами вспоминаю этот город красоты и молодости, город, которого больше нет в первоизданном виде. И, быть может, никогда ему не вернуть той красоты и беззаботности. Однажды железная рука схватила этот город. Даже самое большое личное горе так не потрясло меня, не приводило в такое отчаяние, как падение этого города. Суждено ли ему когда-нибудь дать потомкам то же, что он дал мне?

Не знаю.

Знаю, что это не только мое горе – это беда всего народа.

Люди жили беззаботно. Не могу припомнить, чтобы хоть раз кто-то из местных бежал по узким улицам или шел с явной поспешностью. В этих местах спешка считалась излишней. Какие бы трагедии ни случались вокруг, мы наивно думали, что это не коснется нас и не разрушит нашу надежную жизнь.

Сдержанность этих людей покоряла каждого, кому удавалось узнать их близко. Сейчас, через много-много лет, когда я пытаюсь воскресить в памяти их облик, понимаю, что забыл некоторые лица. Взрослые, с кем я общался, соседи, учителя, приезжие... помню только их силуэты, неторопливую походку, негромкие голоса.

Жителям даже в самые черные ночи не могло присниться, как опасны «соседи» и сколько испытаний они принесут им.

А какими доверчивыми были жители моего города, как по-детски весело встречали они каждого гостя, принимая его как родного! Мой город не разбирал, где восток, а где запад, где верх, а где низ. Повсюду жилось радостно. Каждая прогулка приносила удовольствие. Можно было зайти в любой дом без приглашения, в любую чайхану без гроша в кармане, – тебя угощали чаем с чабрецом и восточными сладостями.

В семье нас было четверо. Я, мои родители и бабушка Хырда Нене. Правда, у меня была и сестра на год младше, Натаван. Помню ее хрупкое нежное лицо. Она болела ревматизмом в очень тяжелой форме и передвигалась только с помощью палки. Отец сделал ей палку своими руками, выкрасил ее разноцветными красками. Сестра умерла, когда мне было пять лет. Позже, когда я заговаривал о ней, родители тут же меняли тему; очевидно, разговор об утрате любимой дочери был непосильным.

Самыми счастливыми для меня остались годы, когда отец, мать и бабушка были еще живы, когда мы всей семьей вместе с ближайшими соседями собирались у нас во дворе за чаем, и взрослые вели разговоры, которых я тогда не понимал. Наш самовар был предметом восторга. Он по-настоящему кипел. уютно урчал, пускал струи пара. Чай, сахар «набат» у нас всегда были в изобилии.

Шум речки, которая бежала недалеко от нашего дома, лай собак. А за рекой поляны, заросшие по пояс цветами, такими

душистыми, что от них могла разболеться голова. И вот уже ночь, а ты все еще сидишь у костра... Голову поднимешь – звезды на небе освещают землю...

После отец вносил меня, сонного, в дом. Отец – высокий бородатый человек с большими руками и железными пальцами. Ими он легко сгибал серебряные монеты. Отец не боялся ни Аллаха, ни черта, ни смерти. Он говорил, что все беды от людей, Аллаху не до нас, Он занят более важными делами. Отец выкуривал две, иногда три пачки сигарет в день. Будучи мастером на все руки, плотником и учителем труда в школе, он всегда помогал родственникам и знакомым.

А утром, когда солнце еще не успевало прогреть землю, я, вскочив с постели, бежал босиком к маме, крепко обнимал ее, целовал, шепча ласковые слова. Мать, взмахивая над столом скатертью, каким-то чудным образом успевала тоже целовать меня. Затем торопливо готовила мне завтрак.

Бабушка моя Хырда Нене была добродушным человеком, хоть иногда и кричала на маму. Та, конечно, не боялась ее, бесконечно уважала и повторяла, что азербайджанские невестки должны научиться не замечать плохое в свекрови.

Хырда Нене очень любила будить меня ото сна:

– Вставай, мой Аслан, вставай, мой герой. Тюльпаны давно раскрылись и ждут тебя.

Как только я открывал глаза, она тотчас же целовала меня и исчезала.

У бабушки Хырда Нене круглое румяное лицо, заметные

морщинки на коже, мелкие, как зернышки, зубы. Как все карабахские женщины, она была большой искусницей в приготовлении всякого рода сладостей и, конечно, еды. Шакербура, пахлава, бадамбура, гогалы, кутабы с разными начинками. Ах, какие пирожки она пекла! Ни рассказать, ни представить. Тесто пышное, начинка сочная. Теперь лишь память... Идешь где-нибудь, пирожками пахнет, сразу бабушку вспоминаешь...

Она готовила всякого рода напитки: черносмородиновую, малиновую и другие настойки, то на шалфее, то на чабреце. Лечила и болезни. Докторов тогда не хватало, поэтому у нее была своя домашняя медицина. А еще Хырда Нене была великолепная хозяйка! Теперь уже таких нет. Времена изменились. Некому заниматься этим, да и не у кого учиться. Во время бегства от вражеской пули многие не выдерживали, некоторые жители даже остались, не смогли бросить родную землю и могилы предков. Но об этом позже.

Сейчас люди спешат куда-то. От спешки стали злыми и вредными.

В моем городе жили неспешно. Женились, девушки выходили замуж, рожали детей. Даже болели не торопясь.

Помню, как отец, заболев, мог неделями лежать в постели, мать с бабушкой ухаживали за ним. Он выздоравливал без докторов, без анализов.

А как умирали? Спокойно.

Однажды вечером отец пришел домой и рассказал Хыр-

да Нене, как наш очень старенький сосед Сайфуддин Киши сегодня утром после завтрака, сделав дастамаз (ритуальное омовение в исламе) и одевшись в чистую одежду, сказал детям, что умирает.

Раз, два, три... и все, человека нет.

А сейчас не успел с человеком познакомиться, смотришь – уже его нет. Почти все диабетики, у всех давление, инфаркты. Только от телевизора можно с ума сойти. А мобильные телефоны! Кошмар!

Наш фруктовый сад был гордостью Хырда Нене. Яблоки, вишня, груши, абрикосы. Абрикосы настоящие. Даже сейчас я повсюду нахожу их. Часто покупаю небольшую корзину, устраиваюсь в каком-нибудь парке, где немногочисленно, ем и становлюсь счастливее.

Каких цветов только там не было! Розы самых разных сортов, огромные, величиной с чашку, и мелкие, и все прекрасные.

Бабушка умело выращивала цветы. В саду распускалось столько тюльпанов, что сад казался сплошным букетом. Запах цветов проникал в дом, вытесняя табачный перегар отца. Самым интересным цветком был, конечно, «Харг бүл-бүл» – символ Шуши. Цветок невиданной красоты. По своей форме он напоминает соловья. Отсюда и название: «Харг» означает «шип», «бүл-бүл» – соловей. Все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. В этом саду родились мои первые стихи, первые строчки...

Глава 3

Мать была красивой молодой женщиной с огромными, как у газели, глазами, длинными, черными как смоль волосами и нежными руками с изящными тонкими пальцами.

Она была из дворянской семьи Карабаха. Получила хорошее образование в Тбилиси. Знала несколько языков, умела играть на фортепиано. Помню, как мать сидела за старым роялем, ее глаза излучали чудесный свет, руки без всяких усилий творили музыку неподражаемой красоты.

Тогда, да и сейчас тоже, я уверен, что никто на свете не сможет играть так, как играла моя мать. Я как зачарованный смотрел на этот озаренный лик, а тем временем звуки проникали в мою душу.

С отцом они познакомились, когда он строил им дом в городе Ханкенди. По рассказам мамы, это была любовь с первого взгляда. Конечно же, маме не разрешали выйти замуж за плотника, да еще из другого города. Она пролила много слез, расплачиваясь за свою первую и последнюю любовь. В конце концов, мама была вынуждена бежать из отчего дома. Вернее, отец украл ее.

Мама рассказывала, как на свадьбе у ее брата Сардара гости танцевали, а все вокруг хлопали и подзадоривали танцующих; только она не хлопала, ей было грустно и она стояла в стороне. За несколько дней до свадьбы отец мамы Дадаш

Киши сказал ей, что выдаст ее замуж после того, как женится ее брат:

«Отучилась, вернулась домой – пора выйти замуж за достойного человека, подарить мне внуков. Муса Киши, директор ковровой фабрики, достойнейший человек, намекнул недавно за чаепитием, что хочет женить сына. Быть может, после свадьбы Сардара они придут к нам в гости».

– Между тем, – рассказывала мать, – танец закончился и я решила пойти в сад, прогуляться и немного отдохнуть от шума. Грусть камнем сдавливала душу мою, мне нужна была тишина. И тут я услышала голос и отшатнулась назад, увидев в темноте светлое, как луна, лицо твоего отца. Меня охватил страх, и я потеряла сознание. Азиз (*так звали моего отца* – прим. авт.) молча схватил меня и вскочил на коня, все это произошло в считанные секунды. Очнулась в незнакомом доме. Приоткрыв глаза, увидела перед собой лицо Хырда Нене, она меня накормила и сказала, что отныне это и мой дом. Так началась моя новая и счастливая жизнь.

Долгое время отец мамы, дедушка Дадаш Киши, и некоторые родственники не признавали ни ее, ни ее законного мужа, ни даже меня.

А бабушка Ханум Нене, мать моей мамы, худая женщина, похожая на ветку, с морщинистыми руками, была добрая: очень редко, но все-таки приходила к нам и приносила гостинцы. Со слезами на глазах говорила, что Дадаш Киши не разрешает ей ходить к нам в гости. Чтобы прийти в гости

к дочке на Навруз байрам, ей приходилось начинать разговор об этом после нового года, почти за три месяца. Мама молча слушала ее, затем говорила: «Ничего страшного, мне достаточно, что вы живы и здоровы. После того как Ханум Нене уходила, отец выкидывал все принесенное ею в мусор.

– Нам подачки не нужны, – говорил отец тихим голосом, а мать плакала.

Часто дедушка Дадаш Киши заявлял мне: «Твой отец негодяй и подлец».

Я обижался и верить этому не хотел. В глубине детской души я твердо знал, что мой отец добрый и самый лучший. Позже я и правда убедился, что простые люди любили и ценили отца. Отец никому не отказывал, если его просили о помощи.

После замужества мать устроилась на работу в единственную городскую библиотеку и была довольна своей жизнью.

Как и все матери, она любила с гордостью рассказывать о сыне, то есть обо мне. Отец, по ее словам, отмечал мое рождение три дня. Не умолкал ни дудук, ни кеманча, гуляли всей улицей. Запах мяса и свежее испеченного хлеба из тандыра, тонкий карабахский лаваш, приготовленный на садже, дразнил гостей города. Хырда Нене, выйдя на улицу, угощала всех прохожих. А отец громко повторял:

– Сын родился, сын родился! Мой сын Аслан, мой могучий лев!

Меня назвали в честь дедушки, погибшего в Великой Оте-

чественной войне под Харьковом.

Я как единственный сын рос в любви и достатке, по тем временам. Мать говорила, что соседи меня любили. Я был добрым ребенком: это проявлялось в походке, в полуоткрытых больших губах, готовых к улыбке.

– Ты излучал доброту и всегда с радостью выполнял любую просьбу.

Вспоминая, мать рассказывала, что первые слова я начал говорить в полтора года, окончательно заговорил к двум. А писать и читать научился в четыре года.

– Аслан помнил все: названия наших улиц, даты, историю города Шуша. А когда научился читать, знал наизусть все прочитанные книги. Он усваивал гору информации и никогда не пресыщался. Каждый день ему необходима была порция знаний», – говорила мать.

Мать была права: я схватывал все, что попадалось на глаза, вернее, то, что она приносила мне с работы.

Я садился в кресло-качалку во дворе, ближе к саду, и уносился в другой мир. А когда от чтения уставали глаза, смотрел на бабушкины тюльпаны или прогуливался среди деревьев. Жюль Верн – великий классик приключенческой литературы. «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Необыкновенная и удивительная жизнь Робинзона: моряк прожил двадцать восемь лет на необитаемом острове, куда его выбросило кораблекрушение...

У меня были друзья – два брата, Камран и Иман. Первый – мой ровесник, а Иман на три года младше меня. У Имана была привычка, которая до сих пор вызывает во мне улыбку. Она заключалась в необычном способе есть кукурузу. Поднеся початок ко рту, он разом погружал в него зубы и нос, и за кукурузой виднелись только два черных моргающих глаза. Это заставляло меня смеяться. С тех пор все кукурузы мира связаны с этим маленьким мальчиком. А с Камраном мы могли часами играть в морской бой, потом читали стихи, играли в шахматы.

Как-то я прочел в книге, названия которой не помню: если хотите, чтобы исполнилась мечта, возьмите пустую бутылку, предварительно написав на бумаге желание, и, свернув бумагу в трубочку, погрузите ее внутрь. Потом вы должны поместить туда триста шестьдесят пять муравьев и зарыть бутылку в землю. Мы немедленно загорелись этой идеей. Муравьи были повсюду. Но мы не знали, как загнать в бутылку нужное количество живых муравьев! Мы не могли их схватить и удержать, они мгновенно ускользали. А к тому же, как подсчитать их?

Мы едва успевали направить в горлышко несколько муравьев, а предыдущие уже оказывались на свободе. К вечеру мы устали и даже были немного разочарованы, что у нас ничего не получилось. Вдруг Камран заорал:

– Я нашел, я нашел, как загнать их в бутылку! Аслан, а что если мы нашу бумагу окунем в сладкий чай, бросим в бутыл-

ку и закопаем ее в муравьиную кучу?

– А как мы будем подсчитывать их? – спросил я.

– Да это не важно. Чем больше, тем лучше, – ответил мой друг.

Мы осуществили задуманное и уставшие пошли домой. Однако на другой день так и не смогли найти ни кучу, ни бутылку.

Мы могли, опустив шторы так, чтобы в комнате стало очень темно, играть в прятки. Кажется, японские дети так играют: один должен найти другого на ощупь. Как-то я ударился и потом долго ходил с фингалом.

Когда пошел в первый класс, мне было семь лет. Мог и в шесть, но Хырда Нене не разрешила, сказав, что у нее один внук и она хочет побыть с внуком; куда торопиться?

Мать, одев меня в новую одежду и любуясь мной, прижав руку к сердцу, воскликнула: «Самед Вургун (*первый народный поэт Азербайджана* – прим. авт.)!.. Ты станешь вторым Самедом, вот увидишь, твоя мать всегда права».

Она обняла меня и крепко прижала к себе.

А когда она впервые отвела меня в школу и я увидел сквозь железный забор серое здание, я заплакал. Я понял, что мне придется ходить сюда каждый день целых десять лет. Остановившись, я прижался к маме и плакал так горько, что прохожие спрашивали у нее, что со мной не так.

– Ну хватит, – сказала мать, – все дети ходят в школу. Тебе понравится. Перестань плакать! Отец тоже здесь работает,

не бойся.

Мы вошли в здание, поднялись по лестнице и остановились у моего класса. Я взглянул на мать, и мне опять захотелось плакать. Но она оставила меня у порога, повернулась и быстро ушла, не оборачиваясь.

С того дня мать каждый день в одно и то же время приходила в школу, приносила с собой еду и стояла возле меня, пока я ел.

Я еще долго в школе говорил шепотом, боясь поднять голову. Все подавляло меня: учителя, эхо в коридорах, детские голоса на переменах, директор школы – Гейдархан Муаллим, пожилой красавец. Он был строгим и честным человеком. Не любил, когда нагло лгали и обманывали его, мог наказать за это. Нас он, конечно, не трогал, но, по слухам, старшеклассников наказывал, мог исключить временно или вовсе без права поступить потом в какую бы то ни было школу.

В первый же день, когда я достал тетрадку, чтобы писать, слеза капнула на бумагу. Тогда учитель Айдын Муаллим, с длинной, почти до груди, бородой и узкими глазами, сказал:

– Аслан, проглоти слюну, будет легче.

Я проглотил слюну, но ничего не прошло. Я долго еще не мог вдохнуть всей грудью. Беготня на переменах, страх на каждом уроке, что меня вдруг вызовут к доске, а я растеряюсь и не смогу отвечать.

Напротив нашего класса был кабинет азербайджанской

литературы, по стенам развешены портреты великих писателей – Низами, Физули, Хагани, Ширвани, Насими. Я часто заглядывал в этот кабинет на переменах. Как-то раз один старшеклассник, высокий толстый парень, закрыл дверь и не выпускал меня. В коридоре затрещал первый звонок. Я стал вырываться, но он крепко держал дверь, прислонившись к ней.

– Не выпущу, – сказал он угрожающе.

После второго звонка я начал просить его отпустить, заплакал. Я ничего не понимал, просто выл от ужаса. Мне казалось, все кончено, я больше не выйду отсюда, никогда не увижу родителей; а что скажет Айдын Муаллим, не обнаружив меня на уроках?

К счастью, после третьего звонка старшеклассник выпустил меня. Я пробежал в свой класс и больше никогда не заходил в тот кабинет.

Немного позже Айдын Муаллим ушиб ногу, и врачи запретили ему ходить в школу. По инициативе завуча мы всем классом отправились навестить его. Он встретил нас тепло и сразу стал показывать свою комнату. На подоконнике стояло больше десяти залитых сургучом бутылок с желтоватой водой. На каждой из бутылок – наклейка, а на наклейках красивым почерком написано: «вода из Днепра», «вода из Черного моря», «вода из Невы». Что бы ни было написано на бутылке, сколько бы я ни разглядывал эту воду, везде она была одинаково желтая.

Айдын Муаллим поднял бутылку с надписью «вода из Средиземного моря» и начал рассказывать, как сам набирал воду, а напоследок сказал:

– Я горжусь, что мне было позволено увидеть это необыкновенно красивое море и своими руками набирать воду.

Наслушавшись учителя, я тоже начал собирать воду – из рек Азербайджана. Я набрал воду из рек Каркар, Тартар, из Сарсангского водохранилища, дальние родственники отправляли мне воду из реки Кура, из Аракса.

Однажды, узнав о том, что я собираю воду, как и он, Айдын Муаллим похвалил меня. Сказал, что из меня выйдет хороший путешественник. Потом он показал мне фото бородатого человека с изможденным лицом.

– Ты знаешь, кто это?

Я молчал.

– Это Миклухо-Маклай. Русский путешественник, гуманист, ученый и вообще великий человек. И ты тоже можешь стать путешественником!

– А вы сами много путешествовали? – спросил я робко.

– Меньше, чем он. Но это неважно, Аслан. Мне уже почти пятьдесят, и я выбрал другую профессию, – ответил он.

Вернувшись домой, я вылил всю воду в канализацию и выкинул бутылки.

Мне придется нарушить ход повествования и забежать немного вперед, чтобы рассказать, зачем я так поступил и почему не жалею об этом.

В советское время почти каждая семья хотя бы из соображений престижа настойчиво стремилась к тому, чтобы дети учили русский язык, так как это было частью классического образования, открывавшего дорогу в столичные университеты Союза. А путь до университета долгий и нелегкий.

Я не помню, чтобы в школе я когда-нибудь был счастлив. Мне нравилось учиться, читать книги, но самую обстановку в советских школах я бы назвал бездуховной. Сейчас я с завистью вижу, насколько свободны школьники двадцать первого века. Кажется, любой из них чувствует себя наравне с учителем, независимо от его возраста. Мне нравится, как они открыто высказываются против того, что кажется им неправильным. Для меня школа была поглощением знаний, не все из которых, по-моему, того стоят. Там, увы, нас не готовили к жизни.

Я вовсе не хочу сказать, что советская школа была плохой сама по себе. Нет, напротив, программа была разработана великими умами, и, конечно же, я считаю, что русский литературный язык надо непременно знать; я счастлив, что знаю его. Я критикую только подачу информации, а она делала наши уроки невыносимыми. Что может понять ребенок о том, что творил Миклухо-Маклай в далеких странах? И зачем меня, семилетнего мальчика, сравнивать с великим путешественником?

Нас делали бездушными машинами. Учили, что, если хочешь быть успешным, обязательно получи пятерку, иначе

успех пройдет мимо. Оценка была мерилom для всего общества, даже родители относились к детям через призму оценок.

Мне с самого начала не понравился внешний вид школы, архитектурной постройки советской провинции. Холодные кабинеты с низкими потолками, с портретами Сталина, Ленина. Незакрывающиеся двери уборной, от которой разило на все здание; этот запах я помню и по сей день. Мы сидели за партой, иной раз по три человека, чтобы согреться в холодные дни, – отопительная система никогда не работала. Перед уроками физкультуры мы радовались, зная, что заниматься будем на улице (спортивного зала не было) и от движения нам станет теплей.

Все парты в классе были изрезаны ножами, почти на каждой виднелись буквы: «Р. В», «А.У», это были инициалы мальчиков и девочек.

Моя фотографическая память со всей резкостью запечатлела школу той поры. Я не помню ни одного из своих друзей, кто бы не чувствовал к ней отвращения. Мы все уже тогда понимали, что однообразие подавляет интерес детей к учебе. Советское государство использовало школу как орудие для поддержания своего авторитета. Нас воспитывали так, что все окружающее мы должны были воспринимать как идеал: не оспаривать мнение учителя, слово взрослого, а само государство – и подавно. Людей готовили к тому, что государство первично, человек же второстепенен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.